

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

А.С. Титова

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
772778@bsu.edu.ru

В настоящее время лингвистическая наука представляет понятие *текст* (в дискурсивном его понимании) как коммуникативную единицу языка и речи, способную проходить сквозь века и активно функционировать в современном языковом пространстве.

В первую очередь это касается текстов классических художественных произведений, ввиду их актуального во все времена, неисчерпаемого материала для продукции новых коммуникативных единиц языка и речи.

Н.В. Гоголь в лирическом отступлении четвёртой главы поэмы «Мертвые души» пророчески писал: *«Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком¹»*. И действительно, персонажи бессмертной поэмы Н.В. Гоголя живут среди нас, их имена активно функционируют в языке как прецедентные феномены.

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Тёркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, в употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ².

ПИ «Манилов», «Коробочка», «Ноздрев», «Собакевич», «Плюшкин» выступают в русском коммуникативном сознании как прецедентные и многократно встречаются в различных контекстах, как художественных, так и публицистических.

За каждым художественным текстом, рождающим прецедентные феномены (в частности ПИ), стоит его высокоталантливый создатель, идиостиль и авторское воззрение которого закрепляют в сознании носителей языка и культуры **инвариант восприятия прецедентного имени (ИВПИ)** – «общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий

¹ Гоголь Н.В. Мертвые души. Том первый. – М., 1951. – С. 72.

² Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 1. – С. 83-84.

национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде»¹.

Анализ функционирования рассматриваемых нами ПИ в различных контекстах показал, что данные ПИ способны характеризовать объекты по различным дифференциальным признакам, ведущий из которых, *черта характера*, включает конкретизированное психическое свойство для каждого имени.

ПИ «Манилов» характеризует объекты действительности через дифференциальный признак: *пустая бездеятельностная мечтательность*. Например, в воспоминаниях известного общественного деятеля XX века В.Л. Бурцева читаем о реакции современников на предложение публициста создать за границей свободный политический орган: *«Но кто более всего поразил меня своим скептицизмом относительно возможности создания свободного органа за границей, так это был Дебагорий-Мокриевич, а еще того более — Драгоманов <...> Для них я был Манилов, не знающий и не понимающий русских людей»*².

ПИ «Коробочка» функционирует в русском коммуникативном сознании как символ глупости. В повести русского и советского писателя С.И. Липкина «Записки жильца» один герой характеризует другого путем введения в диалог данного ПИ: *«Я не думал, что среди моих земляков найдутся такие гоголевские Коробочки. А еще студент, без пяти минут ученый»*³.

ПИ «Ноздрев» выступает в различных контекстах как знак лжеца и сочинителя. Например, в философской книге, интерпретирующей сказку А. Милна о Винне-Пухе, российский лингвист и философ В.П. Руднев описывает характер сказочного персонажа Тиггера следующим образом: *«Всегда хочет быть в центре внимания, невероятно хвастлив, совершенно не в состоянии отвечать за свои слова; всем этим напоминает Хлестакова и Ноздрева»*⁴.

ПИ «Собакевич» представляет собой символ грубияна и порицателя. Например, в очерке «За полвека. Воспоминания» публициста XX в., критика литературы П.Д. Боборыкина о характере русского писателя XIX в. Н.Х. Кетчера узнаём следующее: *«Он был виртуозный ругатель. Про кого бы вы ни упоминали, особенно из петербургских писателей, он сейчас*

¹ Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 1. – С. 84.

² Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс] / Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. – М., 2012. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2017).

³ Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс] / Семен Липкин. Записки жильца (1962-1976). – М., 1997. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2017).

⁴ Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс] / В.П. Руднев. Винни Пух и философия обыденного языка, 2000. – М., 2000. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2017).

разражался каким-нибудь эпитетом во вкусе *Собакевича*. Помню, в один из наших разговоров от него особенно круто досталось Полонскому и Некрасову»¹.

ПИ «Плюшкин» в русском коммуникативном сознании предстаёт как символ болезненного паталогического накопительства. Например, в рассказе «Типун в зипуне» современного писателя М. Гиголашвили автор-повествователь описывает персонажа Борисова, психически нездорового человека, путем введения в текст ПИ «Плюшкин»:

А почему ты в больнице оказался? <... >

– Да вот... Ничего не сделал. Просто жил в квартире, и все вещи, которые покупал, не выкидывал, а собирал...

– А, понятно... И вся квартира превратилась в мусорную яму? – Я вспомнил передачи по этой теме (этих людей-плюшкиных зовут «месси», их становится всё больше)².

Таким образом, имена персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» выступают в русском национальном коммуникативном сознании как прецедентные, в различных контекстах предстают знаком-символом отрицательных черт характера («Манилов» – пустая мечтательность, «Коробочка» – глупость, «Ноздрёв» – лжец, сочинитель небылиц, «Собакевич» – грубиян и порицатель, «Плюшкин» – символ паталогического накопительства.

THE FUNCTIONING OF THE NAMES OF THE CHARACTERS OF THE POEM N.V. GOGOL'S «DEAD SOULS» AS A PRECEDENT IN THE RUSSIAN LINGUISTIC AND CULTURAL ENVIRONMENT

A.S. Titova

Belgorod State University

This article analyzes the precedent name, Dating back to the poem of N. In. Gogol's «Dead souls». The data of case names repeatedly occur in a variety of contexts, both artistic and journalistic. It is shown that the precedent name «Manilow», «Korobochka», «Nozdriov», «Sobakevich», «Plyushkin» function in the Russian communicative consciousness as symbols of negative traits. «Manilow» empty dreamer, «Korobochka» – a symbol of stupidity, «Nozdriov» – a liar and a writer, «Sobakevich» – a symbol of brutality, «Plyushkin» – a symbol of pathological hoarding.

Keywords: a precedent name, differential symptom, Russian communicative consciousness.

¹ Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс] / П.Д. Боборыкин. Воспоминания (1906-1913). – М., 1965. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2017).

² Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс] / М. Гиголашвили. Типун в зипуне (2007) // «Зарубежные записки». – 2008. – № 16. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2017).